

Сергей Пюрбю

ЧУРГУЙ-ООЛ—ГОРДОСТЬ ТУВЫ

Весна 1918 года была бурной и стремительной. Даже старики не помнили, чтобы Хемчик так неистовствовал. Стиснутый в узком гранитном ложе, он клочкотал и пенился буро-красными водами, вырывал с корнями могучие железные листовенницы, сбрасывал их в поток и нес, швыряя о прибрежные скалы, будто щепки. Через несколько километров такой сумасшедшей гонки от толстенных стволов оставались лишь раздробленные кремовато-белые куски.

Старики покачивали головами и, вспоминая древние предания, говорили, что такие бурные весны неспроста и надо ждать больших событий. Слухи, приходившие в далекую Туву из революционной России, еще больше возбуждали аратов. А в мае, подобно Хемчику, забурлили и становья. В бедняцких юртах люди подолгу засиживались у пылающих очагов и вели длинные разговоры о тяжелой аратской доле, о баях-феодалах, о колчаковцах, о русских, сумевших избавиться от своих нойонов, о большевиках и их вожде Ленине.

В одну из таких майских ночей бед-

няк-скотовод Намгай, разбивший свою юрту неподалеку от Хемчика в небольшом урочище, долго не спал. Он посматривал на темную степь, на звездное небо, перебирал в уме все те разговоры, которые слышал в последние дни, и прислушивался к тому, что происходило в юрте. Он ждал прибавления семейства. Хорошо бы мальчик, думал он. Мальчик — это будущий мужчина, это — сильные руки и неутомимые ноги. Для бедняка мальчик — огромное подспорье, девочка — лишняя обуза. Ну да, наверное, родится мальчик. У них, Намгаев, в роду сильна мужская линия. Если в каком-либо роду много мужчин, то это повторяется из поколения в поколение. Так сказал лама. Дрянь этот лама, но вот за такое известие спасибо. Хоть и нелегко ему, Намгаю, но второму мальчику он обрадуется. Только вот как сложится его судьба? Время тревожное. А может, это и хорошо, что добрые духи подарят ему и его жене Хокпеш сына в такое время? Старики говорят: кто родится под звон мечей, тот будет мужественным, сильным человеком.

Со склонов хребта набежал ветер. Он разметал над дымоходом юрты искры.

«Искры.— Намгай посмотрел на север.— Там, в России, сейчас всюду такие раскаленные искры. Искры бедняцкого гнева и надежд. Русские скинули царя. Смелые, отважные люди. Может, и нам они помогут?»

В юрте стало совсем тихо. Намгай насторожился. И вдруг за войлочными стенами раздался мучительный пронзительный крик Хокпеш. Потом наступила тишина. Она длилась какую-то секунду, но показалась Намгаю вечностью. Он вскопчил на ноги и весь напрягся. И тут же все лицо его озарилось улыбкой. В уши его ворвался писк новорожденного.

— Мальчик! — донесся из юрты чей-то возглас.

Мальчика назвали старинным именем Хомушку Чургуй-оол.

Минуло четыре года. По Туве промчался ветер национально-освободительной революции. Красная Армия помогла тувинскому народу свергнуть власть феодалов. Скотоводы начали строить свое трудовое государство — Тувинскую Народную Республику. Но сил у молодой республики было мало. Феодалов прогнали, но осталось их наследие. Привычки и традиции оказались живучими, цепкими, как репей. В становьях еще велико было влияние лам и шаманов. Но жить стало легче, а будущее сулило еще лучшую долю. Намгай, поглядывая на своих детей, думал о том, что они-то обяза-

тельно увидят новый мир, а может, и ему с Хокпеш доведется порадоваться будущему большому счастью детей.

Но судьба распорядилась иначе. Однажды, возвращаясь домой, Намгай свалился с коня в студеную воду реки, весь продрог под злым холодным ветром и слег. Две недели метался арат в бреду. Хокпеш приглашала лам и шаманов, они яростно колотили в свои бубны, барабаны, страшно завывая, читали заклинания, уезжали, забрав то козу, то овцу за «лечение», но злые духи оказались сильнее добрых и не подпускали их к Намгаю.

Болезнь иссушила Намгая: остались кожа да кости. Он лежал молчаливый и строгий, с закрытыми глазами. А когда весело зазеленела степь, он вдруг попросил откинуть полог. В юрту ворвались лазоревая глубина высокого неба и дальний отсвет снеговых вершин далекого хребта. Снова, как и четыре года назад, по земле стремительно шагала весна. Все вокруг было светло и чисто. Ровно зазеленела молодая трава, в тонкой прозрачной зеленой пелене был лес, и где-то там куковала кукушка. Над прогретыми высокими местами дрожало марево.

Намгай знал, что умирает. Но он не хотел расставаться с жизнью в темной душной юрте. Он хотел, чтобы жизнь отлетела от него при ярком свете весеннего дня и солнца. Пусть боль непоправимого еще сильнее сожмет сердце, но только умереть не с тьмой в глазах и легкими, полными спертого дымного воздуха юрты.

Он долго смотрел на обновляющуюся землю и вдруг почувствовал, как жизнь покидает его. Он окликнул Хокпеш и попросил привести к нему детей.

Когда дети пришли, он жестом подозвал к себе Хомушку. Мальчугану шел уже пятый год. Он был крепким мальчиком, со смысленными темными глазами и упрямым маленьким подбородком. Хомушку, как только начал ходить, никогда не плакал. И даже когда Намгай посадил сынишку на коня, и Хомушку не удержался и свалился на скаку, он не заплакал, только прикусил упрямо нижнюю губу и молча снова пошел к коню.

«Он действительно родился под звон мечей,— думал Намгай, ласково глядя на среднего сына.— Он будет смелым мужчиной, и его ждет большое счастье».

Намгай протянул дрожащую исхудалую руку и положил ее на голову Хомушку. Он хотел сказать сыну, чтобы тот рос настоящим мужчиной, был твердым в невзгодах и преданным в дружбе, но не успел...

Хокпеш осталась с четырьмя. Старший, Сержи, сеял, убирал урожай, заготавливал дрова. Бичии помогала матери по хозяйству и ухаживала за младшим братом Чулаем. Хомушку делал все понемножку. Мать была строгой, но справедливой. Она хорошо знала, что к «сидячему добыча не придет, а счастье мимо лежащего пройдет», и неустанно внушала детям: «Лучше в труде расти, чем в холе нежиться».

Шли годы. Росла и набирала сил республика. Улучшалась жизнь скотоводов. В сумонах¹ открывались школы, и араты садились за книги и тетради.

Открылась школа и в Хонделене. Хомушку определили туда приходящим учеником. Сын Намгая рос любознательным пареньком. Все его интересовало, и на уроках он чаще других поднимал руку и задавал учительнице вопросы: куда скрывается на ночь солнце? Где прячется половина старого месяца? Чье горло выдувает ветер? Почему зимой холодно, а летом жарко?

— Ты очень торопишься, Хомушку,— не раз говорила учительница.— Хочешь сразу узнать обо всем. Не спеши, времени у тебя много.

Но время летело быстро, и Хомушку не заметил, как превратился в восемнадцатилетнего юношу.

Была осень 1936 года. Тихо и ласково светило солнце. Горы, будто нарисованные, резко выделялись своими гребнями на фоне чистого высокого неба. Бронзовым отсветом играли в урочищах сосны. В воздухе медленно проплывали серебристые нити паутины.

Хомушку, размахивая нагайкой, быстро гнал коня. Назад старался не смотреть. Боялся, что не выдержит и вернется домой. Опасался, что зов степи и гор окажется неодолимым и мечта его стать бойцом Народно-революционной армии Тувы не сбудется. Он ничего не сказал матери и уехал из дому тайком,— не был уверен, что его возьмут в армию. Его год не призывался.

Но вот и хошунный центр Кызыл-Мажалык. В помещение военного комиссариата вошел стремительно. Заполнил анкету, прибавив себе год, и стал раздеваться, чтобы идти на врачебный осмотр. Врачи долго слушали Хомушку, выстукивали грудь, проводили по телу палочками и смотрели, не остаются ли на коже белые следы. Иногда обменивались непонятными фразами.

---

¹ Сумон — административное деление в бывшей ТНР, равное примерно сельсовету.

Наконец председательствующий сказал:

— Годен.

Военная служба пришлась по душе Хомушку. Он занимался с увлечением и вскоре стал отличником боевой и политической подготовки. В армии он много читал и понял, что знает еще очень мало, что знания — мир такой же огромный и притягательный, как те бесчисленные созвездия, что ночами холодным пожаром загораются над его родной Тувой, и уже тогда решил, что будет учиться дальше.

Кончились годы службы. Хомушку демобилизовался, но уехал не домой, а в столицу республики, где явился в контору советско-тувинского акционерного общества «Совтутранс». Отсюда он вышел с направлением на курсы шоферов.

— Ну вот, ты поднялся еще на одну ступеньку в жизни, — сказал спустя шесть месяцев старший инженер «Совтутранса» Тугаржик, вручая Хомушку удостоверение шофера. — Экзамены ты сдал хорошо. Но впереди тебя ждут испытания более трудные. По-настоящему человек проверяется в труде. Желаю тебе выдержать и этот трудный экзамен.

В то время в Туве почти не было современных дорог. Тяжелые грузовики, поступавшие из Советского Союза, приходилось чаще всего водить по бездорожью. Хомушку коротал ночи под проливными дождями в Кызыл-Арыгских болотах, грелся у костра в Оттук-Дашской степи, его нещадно палило солнце в Шольских степях. Он переносил трудности мужественно и стойко, а когда ему приходилось очень туго, вспоминал наказ отца, услышанный от матери: «Будь настоящим мужчиной».

Освоившись на трассах, Хомушку стал подумывать о поступлении в техникум. Он решил стать механиком по автомобилям, а затем уже готовиться в институт.

22 июня 1941 года Хомушку только что вернулся из дальнего рейса. Он сутки не спал и очень устал. Поставив машину в гараж и доложив диспетчеру о прибытии, Хомушку отправился в общежитие. И вдруг по радио передали, что сейчас будет сообщено важное известие. Через несколько минут все узнали, что фашистская Германия напала на Советский Союз, что первые вражеские снаряды и бомбы обрушились на мирные города и поселки.

Во дворе автобазы стихийно возник митинг. Один за другим выходили в круг товарищи Хомушку и заявляли, что тувинцы не оставят в беде своего старшего брата — народ первой страны социализма.

В это время колонна, в которой работал Хомушку, вывозила мясо, законтрактованное Советским Союзом. Хомушку попросил слова, сказал, что помощь — это прежде всего конкретное дело, и тут же предложил всем, кто только что вернулся из рейса, вновь сесть в кабины машин.

— Диспетчер,— обратился Хомушку,— выписывай мне путевой лист...

Минул еще год, очень трудный для Хомушку. Он не помнил, когда как следует высыпался. Рейсы следовали один за другим. Туда, на север, в Советский Союз, гоняли тяжело груженные машины, назад чаще всего возвращались недогруженными. Спешили. Все время спешили. Не жалели ни себя, ни технику. А трасса была нелегкой, особенно Кулумысские петли. Чуть зазеваешься — примет тебя вместе с машиной на свою каменную грудь не одно, так другое ущелье. Помогало Хомушку, как, впрочем, и его товарищам, одно: советским братьям еще труднее.

Однажды (это случилось уже весной, когда Чургуй-оол вернулся из очередной поездки) к нему подошел диспетчер.

— Ну, ты свое отъездил,— сказал он и протянул Хомушку повестку из горвоенкомата.

Хомушку вспыхнул от внезапной радости.

— На фронт! — воскликнул он.

— Нет, пока в армию. Но все равно поздравляю. Из армии к фронту ближе.

Из военкомата Чургуй-оола направили в объединенный кавалерийский полк, там зачислили в бронетанковое подразделение. Здесь он встретил старых друзей — шоферов Ондара Дыртыка, Кызыл-Таса, Тюлюша Шойдуна, Байкара Биче-оола и других.

Снова учеба, и как итог ее — первое воинское звание: сын бедняка-арата Хомушку Чургуй-оол стал младшим лейтенантом и помощником командира танкового взвода.

В тот же день Хомушку и Ондар Дыртык подали командиру полка рапорт, в котором просили отправить их в Советский Союз на фронт. Но вместо фронта Хомушку очутился в Чаа-Хольском хошуне¹ начальником военного стола.

Шло время. Отгремела битва на берегах Волги. Снова наступила весна. В газетах и по радио сообщали, что на фронте спокойно и в основном идут бои местного значения. Хомушку совсем приуныл. «Какой же теперь фронт,— иногда думал он,— когда русские сами крепко бьют фашистов».

¹ Хошун — административное деление ТНР, равное району.

И вдруг телефонограмма из военного министерства. Чургуй-оола срочно вызывали в столицу республики. «Может, сборы какие?» — подумал он, собираясь в дорогу.

В приемной военного министра генерала Шома он встретил своих однополчан Нурсата Тюлюша, Михаила Конгара, Ондара Дыртыка, Тюлюша Шойдуна, Кыргыза Идама и других. Все они о чем-то оживленно переговаривались.

Увидев Хомушку, Дыртык весело улыбнулся и сказал:

— Ну, кажется, теперь все!

— Что все? — не понял Чургуй-оол.

В этот момент адъютант генерала пригласил командиров в кабинет министра.

— Сейчас узнаешь, — таинственно сказал Дыртык и первым проследовал в кабинет.

Генерал Шома не стал томить командиров. Поднявшись из-за стола, он поздоровался со всеми и тут же сказал:

— Вы, наверное, догадываетесь о причине вашего вызова. Могу вас обрадовать. Центральный Комитет партии рассмотрел ваши заявления с просьбой послать на фронт в Советский Союз и удовлетворил их. Поздравляю вас. А теперь пройдемте в зал заседаний. Там уже ждут вас члены ЦК партии, правительства и работники представительства СССР.

Перед добровольцами выступил секретарь ЦК партии тов. Тока. Он сказал, что в адрес партии и правительства поступают тысячи заявлений от трудящихся с просьбой направить их на фронт Великой Отечественной войны добровольцами. Но пока решено отправить на фронт только группу танкистов. Вопрос о других добровольцах будет решен в ближайшее время.

Товарищ Тока взял со стола лист бумаги и прочитал имена добровольцев-танкистов. Фамилия Чургуй-оола стояла в числе первых.

Через несколько дней жители столицы провожали в Советский Союз Хомушку и его боевых друзей. Когда митинг закончился, из толпы к трибуне протиснулся седой старик.

— Сыны мои! — в наступившей тишине прозвучал его голос. — Отныне вы сыны не только своих родителей, теперь вы сыны всего нашего народа. Вы идете на священную войну. Советские люди — братья нам. Они от всего сердца помогли нам все эти годы. Теперь наш черед за добро воздать добром. Мы маленький народ, и помощь наша невелика. Но как бы ни была мала капля, она наполняет чашу. Помните это и нещадно бейте гитлеровских шакалов, врагов всего чело-

вечества. Разите их от имени всего нашего народа! И пусть никакая сила не одолет вас и пуля не берет.

После переподготовки тувинцы-добровольцы получили специальности водителей-механиков. Всех их зачислили в 25-й полк 72-й танковой дивизии.

Командир полка полковник Антонов сердечно принял их, познакомил с фронтовой обстановкой и командирами танковых экипажей, по которым их распределили.

Начало марта 1944 года. Это была победная весна. Гитлеровцев били на всех фронтах. Войска 2-го Украинского фронта, в состав которых входила 72-я танковая дивизия, освобождали от врага один город за другим. Несмотря на распутицу, наступление не останавливалось.

На рассвете 4 марта 25-й танковый полк пошел в атаку на село Дубровку, где засели гитлеровцы.

Когда командир взвода старший лейтенант Шашин командовал «по машинам», Хомушку замешкался и очутился в танке позже остальных. Даже могучий рыжебородый стрелок-радист сибиряк Иван Парфенов, который протискивался в люк, скосив плечи, и тот оказался в танке раньше Хомушку.

— Ну, что ты, джигит!— недовольно пробасил Парфенов.— Хочешь, чтобы командирский танк в хвосте плелся?

Чургуй-оол вспыхнул и от волнения дал задний ход. Танк дернулся и угодил в какую-то рытвину. Нос «Т-34» задрался вверх. Хомушку тотчас переключил рычаг скорости, дал больше газу и «тридцатьчетверка», взревев мотором, рванулась вперед, едва не подмяв под себя какую-то повозку.

— Эх, водитель!— вырвалось у башенного стрелка Петра Колбасы.

— Разговорчики!— тут же за спиной Хомушку раздался строгий голос Шашина.— У человека первый бой, понятно — волнуется.— На плечо Хомушку легла командирская рука.— Сбавь малость обороты,— услышал водитель.— Вот так...

Шашин дружески похлопал Хомушку по плечу.

«Спасибо, брат!»— мысленно поблагодарил Хомушку командира.

Миновав небольшой лесок, танки выкатились в поле и на ходу стали перестраиваться в боевой порядок. Первый батальон построился уступом вправо: две роты в линию, третья — метров на сто пятьдесят сзади и справа. Второй батальон двигался уступом влево. Такой порядок наилучшим образом предохранял шедшие в атаку танки от фланговых ударов противника.

Погода была пасмурная, над землей низко висели тучи, и дальние предметы сливались. Хомушку с трудом рассматривал кочки и воронки от снарядов. «Тридцатьчетверку» то и дело сильно встряхивало. «Плохой я еще водитель», — корил себя Хомушку. Чтобы лучше разглядеть землю, он все подавался вперед и наконец уперся лбом в броню. Повел глазами по горизонту и только тогда заметил, что и другие машины клюют передками. Эта картина несколько успокоила Хомушку.

— Черт! — раздался возглас командира. — По болоту шпарим. А издали казалось, что тут ровно.

Впереди танка черным султаном вздыбилась земля, и тотчас по броне забарабанили осколки вражеского снаряда. Хомушку непроизвольно вжал голову в плечи.

— Не кланяйся, шея скоро заболит, — усмехнулся Колбаса и щелкнул замком пушки. — Сейчас мы фрица заставим кланяться. Веди ровнее, Хомушку.

Петро чуть опустил орудийное дуло и нажал на спусковой рычаг. По танку прокатился гром, звякнула выпавшая из казенника гильза, и сильно запахло пороховой гарью. Хомушку увидел, как на окраине Дубровки, возле сарая с наполовину снесенной крышей, где мелькнула огненная вспышка, вырос черный земляной фонтан.

— Попал, Петя! — крикнул радостно Хомушку.

— Нет, трошки не дотянул, — ответил Колбаса. — На одно деление ошибся.

И снова прильнул к прицелу.

Бой разгорался с каждой минутой. По сухому болоту, где двигались советские танки, металась черная смерч разрывов. Откуда-то из-за Дубровки по наступавшим стала молотить тяжелая артиллерия. Воздух наполнился дымом и гарью. Измельченная в пыль земля еще больше ухудшила видимость. Потом над танками появились серые шрапнельные шапки, и Хомушку догадался, что в атаку поднялась пехота. В танке грохотало и становилось все жарче и жарче. Лицо, шея и спина Хомушку покрылись липким потом. Веки, словно набухшие водой, отяжелели, легким не хватало воздуха, и у Хомушки было сильное желание приоткрыть водительский люк, чтобы сделать два-три глотка свежего воздуха, чтобы ветерком обдало лицо. Он совсем приник к смотровой щели и жадно ловил пересохшими губами тоненькую прохладную струйку, пробивавшуюся через микроскопический зазор между крышкой люка и корпусом танка. Никогда он не думал, что в этой стальной коробке может быть так не-

стерпимо мучительно жарко и душно. Он уже не думал об опасности, забыл, что смерть поджидает его на каждом метре, и жаждал только одного: быстрее ворваться в Дубровку, подавить гусеницами фашистов и вырваться наконец из танка на вольный воздух, почувствовать под ногами земную твердь, а не качающийся пол. И, сам не замечая того, он все прибавлял оборотов и без того нестерпимо ревущему мощному мотору.

— Хомушку, держи строй, не вырываться!— приказал Шашин.

Опять вблизи рвануло землю, и на башню обрушилась земля.

— Эх, уже трое наших горят!— вскрикнул командир.

— Товарищ старший лейтенант!— покрывая своим басом и рев мотора, и грохот разрывов, крикнул Парфенов.— Комбат-один передает: прекратить атаку и отойти в ложину. Говорит, сейчас наши артиллеристы крестить фрица начнут. Нам велено малость переждать.

В неглубокой ложине, поросшей кустарником, батальон остановился. Взлетели откидываемые крышки люков, и танкисты, будто черные жуки, посыпались с брони на землю. Хомушку последним покинул танк. Очутившись на земле, он вдруг качнулся и ухватился рукой за гусеницу. Перед глазами его все закружилось, к горлу подступила тошнота.

— Э, да тебя, браток, укачало,— сказал Парфенов. Он подхватил Хомушку под мышки и положил на землю.— Отлежись-ка малость, да вот водицы испей.

Сибиряк приложил к губам водителя горлышко фляжки. Вода была теплой и пахла бензином. Но Хомушку жадно выпил полфляжки. Оставшуюся воду Парфенов вылил ему на лицо. Хомушку открыл глаза и виновато улыбнулся.

— Вот, понимаешь, Ваня,— тихо произнес Хомушку,— что командир скажет?

— Ничего, со многими так случается,— успокоил его Парфенов.— Привычку надо иметь. Это ведь не на учениях. Ну, стерпится-слюбится. Так у нас говорят.

Как только танки отошли, в небе появились советские штурмовики ИЛ-2. Они с ревом, будто вырвались из-под самой земли, на бреющем полете устремились на вражеские позиции. Через минуту в Дубровке загрохотали разрывы бомб. Сделав три захода, штурмовики улетели. Потом заговорила наша артиллерия.

Через час танкисты снова ринулись в атаку. Вражеские

орудия били реже, видимо, штурмовики и советские артиллеристы нанесли значительный урон противнику.

Танки накатывались на Дубровку с двух сторон, беря ее в полукольцо. Хомушку одним из первых ворвался на окраину села. Справа остался полуразрушенный сарай. Где-то здесь находилась огневая позиция немецкого противотанкового орудия.

— Товарищ командир!— Хомушку обернулся к Шашину.— Фрицы где-то здесь. Разрешите проверить?

— Давай,— согласился Шашин.

Хомушку с ходу резко повернул «тридцатьчетверку», газанул и понесся на сарай. Гитлеровцев нигде не было видно. «Должно быть, штурмовики или артиллеристы накрыли их»,— подумал Хомушку и хотел было свернуть на дорогу, шедшую через Дубровку. И тут каким-то шестым чувством он учуял опасность. Хомушку метнул взгляд вправо и приметил дульный срез орудия. Дуло поворачивалось за танком и медленно опускалось.

Все решали секунды. Хомушку застопорил правую гусеницу и так крутанул танк, что Колбаса не удержался на своем сиденье и свалился на пол. Теперь дуло упиралось в башню танка. Оно еще чуть опустилось и замерло. За кустами мелькали вражеские артиллеристы. Орудийный ствол своим темным нутром смотрел прямо в глаза Хомушку, и где-то там, в самой глубине его, затаилась смерть. Удар бойка — и смерть, полыхнув радужным огоньком на дульном срезе, со скрежетом и лязгающим торжеством вопьется в броню, пробьет ее, гулко гроыхнет внутри танка, и все будет кончено. Замрет «тридцатьчетверка», и навсегда замрет ее экипаж — трое, уже не раз смотревшие смерти в глаза, и он, Хомушку, только что экзаменуемый ею. И все в нем восстало против смерти. Он солдат, он на войне, и смерть — вторая его тень. Это так. Но пасть в первом же бою и не ощутить вкуса отмищения и радости победы — в высшей степени несправедливо.

Хомушку переключил рычаг скорости и, забыв о том, что мотор может заглохнуть, до конца выжал педаль. Цилиндры заклокотали от переполнившего их горючего, и многотонная стальная машина ринулась вперед. Этот сумасшедший бросок и спас танкистов. «Тридцатьчетверка» подцепила орудие под самый ствол, приподняла его, будто вилами, и в тот же момент орудие плеснуло пламенем. Снаряд царапнул броню башни, срикошетил и взорвался на земле в нескольких метрах от «Т-34». Орудие задралось еще выше, потом пере-

вернулось и накрыло собой не успевшую отскочить прислугу. Гусеницы заскрежетали о металл, вмяли в землю орудие, а с ним и нескольких гитлеровских артиллеристов. Одно из колес соскочило с оси и медленно покатилося по пологому уклону.

Танк проехал еще несколько метров, мотор вдруг зачихал, «Т-34» задергался, будто в судорогах, и остановился. И сразу пала тишина. Бой переместился куда-то за Дубровку, и до танкистов доносились только автоматные очереди.

— Да, вот как бывает,— после долгого молчания произнес Шашин.— А если бы мотор заглох?— Но тут же улыбнулся и одобрительно похлопал Хомушку по плечу.— Если бы да кабы — не в счет теперь. Пошли, глянем, что ты там натворил.

На ночь батальон остановился в Дубровке. К Хомушку пришли соотечественники. Ребята были возбуждены первым удачным боем, наперебой делились воспоминаниями. И вдруг спохватились: а где же Тюлюш Шойдун?

— Ранило его,— сказал Михаил Конгар.— Не хотел вас расстраивать, вот и смолчал. Он уже в госпитале, сам видел, как отправляли. Не смертельно.

Танкисты облегченно вздохнули.

Ночью Хомушку спал плохо: то виделись мчавшиеся в атаку «тридцатьчетверки», то слышался грохот разрывов, то скрежет гусениц по металлу раздавленного вражеского орудия, то беззвучный голос Шашина, что-то кричавшего ему и сверкавшего белками глаз, то вдруг все исчезало, и на Хомушку, словно на киноленте, набегала откуда-то родная тувинская степь, покрытая весенней травкой. Травка чуть колыхалась, и по ней пробегали легкие тени облаков. Лишь под утро, сломленный усталостью, он заснул.

Фронт наступал, бои продолжались. Все жарче грело солнце. Уже цвели вишни, и белая кипень их издали походила на легкие облака. Безлесные просторы Украины напоминали Хомушку родные степи Тувы. На привалах он иногда уходил далеко в поле, взбирался на какую-нибудь безымянную высотку и подолгу стоял там, слушая, как поют жаворонки, вольно дышит земля, а легкий ветерок теребит в перелесках первую, еще не опаленную знойным солнцем яркую листву.

«Богатая земля,— часто думал он.— Недаром ее называют житницей страны». Но в ту весну поля зарастали травой и пахли не свежей пахотой, а прогорклым дымом пожарищ, горелым металлом разбитой военной техники, разлагавшими-

ся трупами и бензином. И горечь, ненависть все плотнее набивались в сердце Чургуй-оола, вытесняя из него радость побед.

Однажды — то случилось уже под Уманью — батальон с ходу ворвался в село Черный Камень. И все же гитлеровские факельщики сумели поджечь село. Над белыми, будто игрушечными мазанками жарко трещали соломенные крыши, над вишневыми садами тянулись зловещие аспидные полосы дыма, по дороге очумело носились куры, пожилые украинки и старики вытаскивали из хат домашний скраб, в сторонке кучками и в одиночку стояли оборванные дети с глазами, полными ужаса и горя.

Танкисты бросились помогать жителям тушить пожар, вытаскивать вещи.

У одной из мазанок билась на земле старая женщина. Хомушку поднял ее.

— Что с вами, угбай?¹ — спросил он.

— Там,— женщина простерла сухие жилистые руки к хатке,— внучок мой, Андрейка! Они заперли его там. Ироды!

Мазанка уже вся была объята пламенем, даже в отдалении от нее Хомушку обдавало жаром. Не раздумывая, он бросился вперед, но раскаленная волна отбросила его назад. Тогда, закрыв лицо шлемом, он снова рванулся к хате и прорвался к двери, толкнулся в нее, но дверь не поддавалась. Что-то крепко держало ее изнутри. Хомушку задышался, уже начал глеть комбинезон. На помощь устремился Парфенов, но в тот же момент крыша рухнула, и в небо взметнулось облако раскаленных углей. Танкисты отскочили от мазанки.

— Все,— мрачно промолвил Парфенов и отвернулся.

Хомушку подошел к старой женщине. Руки ее плетью болтались вдоль тела, глаза сухо и лихорадочно блестели. Слез в них не было.

Хомушку ласково погладил женщину по голове, осторожно привлек к своей груди и тихо сказал:

— Мы отомстим, угбай. За все отомстим.

На мгновение ему представилось, что эта незнакомая женщина его мать Хокпеш, и острая боль пронзила его сердце. Хомушку вздрогнул и почему-то обернулся. По дороге советские автоматчики гнали группу гитлеровских факельщиков-поджигателей.

У Хомушку диким блеском сверкнули глаза, он вскрикнул и бросился к танку. Очутившись за рычагами, завел мотор.

¹ У г б а й — старшая сестра.

переключил скорость и дал газ. «Тридцатьчетверка» рванулась вперед — прямо на фашистов. Чургуй-оол смял бы и искромсал гусеницами факельщиков, если бы не Парфенов. Он вовремя догадался о замысле своего товарища и успел встать на пути танка. Парфенов видел в открытом водителеском люке залитые ненавистью глаза тувинца и едва не дрогнул и не отскочил на обочину. Натужно заскрипели тормоза, и, качнувшись, «тридцатьчетверка» почти коснулась скошенным передком Парфенова.

— Эх, браток, так тебя надолго не хватит! — только и сказал сибиряк.

Хомушку долго била нервная дрожь. Лишь выпив целый котелок воды, он малость успокоился и глухо сказал:

— Ты видишь, что они творят. У нашего Петра сестру в рабство угнали. Давить их нужно, как бешеных собак!

— Но не пленных, — ответил Парфенов. — Ты видел, чтобы Колбаса мстил пленным? Нет? Вот то-то же. Ты же боец Красной Армии. Не забывай этого никогда.

Несколько суток танкисты почти не покидали боевых машин. Лишь ночью, расстелив брезент, забывались коротким сном возле гусениц. А с рассветом снова раздавалась команда «по машинам», и «тридцатьчетверки», не успевшие даже как следует остыть, вновь уходили вперед.

Наконец советские войска вышли к ближним подступам Умани. 25-й танковый полк занял позиции в десяти километрах от города. Сквозь листву пробивались лучи заходящего солнца. Тувинцы собрались на опушке и негромко переговаривались.

Хомушку, запрокинув руки, лежал под молоденьким, едва трепетавшим листвой, дубом и смотрел в небо. Сквозь листву высоко-высоко виднелась полоска перистых облаков. Они были причудливо расцвечены солнцем и напоминали перья гигантской сказочной птицы.

Хомушку грустил: давно не получал из дому писем. И вдруг раздался веселый голос старшего лейтенанта Сайфутдинова, недавно сменившего раненого Шашина:

— Эй, Чургуй-оол!

Хомушку мгновенно вскочил.

— Здесь я, товарищ командир.

— Пляши, — подходя, сказал Сайфутдинов.

Руки командир держал за спиной.

— Письмо! — догадался Хомушку.

— Целых два! — И старший лейтенант протянул почту.

Первое письмо было от матери. Она сообщала, что уже месяц как работает председателем женского Совета сумона. Работа несложная — объезжает становья, рассказывает, как бьют фашистов русские братья, и собирает подарки для фронта. Недавно сама отдала в фонд фронта двух коров и двадцать овец. Хомушку знал, что это почти все, что имела их семья, и встревожился: «Чем жить будут?» Но, подумав, одобрил поступок Хокпеш. Он же сам писал ей, что оставляют после себя фашисты, о сожженных селах и разрушенных городах, о голодных детях, изможденных женщинах и стариках. И армия огромная, ее нужно кормить и одевать. Сейчас каждая капля в общей чаше на вес золота. Даже если родные все отдадут и останутся с одной овцой, он, Хомушку, скажет им только спасибо. Так и должно быть у настоящих людей.

Второе письмо было от невесты. Когда Хомушку распечатал конверт и вынул вдвое сложенные листки, из них выпала фотокарточка. На глянцевой бумаге улыбалась большеглазая, круглолицая девушка.

— Это кто? — заинтересовался командир.

— Невеста моя, — ответил Хомушку, быстро пробегая глазами строчки. — Вот, пишет, что хочет к нам, на фронт, уже заявление подала.

С букетиком полевых цветов подошел Байкара Биче-оол.

— Твоя? — догадался Байкара и потянул к себе фотографию. — Симпатичная. Ты что же молчал? Нехорошо от друзей скрывать.

— Да я... — смутился Хомушку.

— Боялся, что забудет?

— Знаешь, война, зачем раньше времени говорить.

— Э! Живы будем — не умрем. Так русские говорят. Сегодня же отпразднуем твою помолвку. Эй, ребята! — крикнул Байкара. — Хомушку жених. У кого что есть, давай в общий котел.

Через час Хомушку сидел в кругу своих соотечественников и товарищей по оружию. По такому случаю старшина роты выдал водку. Танкисты пели песни. Пели русские, украинцы, белорусы, казахи, тувинцы. Каждый на своем языке. Но никто не мешал друг другу. Песни были мирные, ласковые, грустные — о любимых, оставшихся где-то там, за сотнями и тысячами километров от фронта, о родных краях, где ждут не дождутся солдат матери и отцы, сестры и жены, о тихих незаметных прелестях мирной жизни, которая теперь была вдвойне дорога каждому. Чувствовалось, что война

близится к концу, что люди истосковались по тишине и покою, по детским безмятежным улыбкам, по будничному труду, по всему тому, что они защищали и за что каждый день шли на смерть.

Зашло солнце, и быстро, по-южному, стемнело. Появился комбат. Он приказал отдыхать.

— Завтра будем брать Умань,— сказал комбат.— За час до рассвета два экипажа отправить в разведку. Пойдут из твоего взвода, Сайфутдинов. Кто, думаешь?

— Я сам и экипаж, где водителем Ондар Дыртык,— ответил старший лейтенант.

— Как ребята?

— Надежные, товарищ командир.

Когда на востоке чуть посерело небо, две «тридцатьчетверки» выползли из кустов и двинулись к Умани.

Хомушку внимательно, но спокойно посматривал на дорогу, на темные молчаливые поля. Он уже не волновался, держался ровно и не думал об опасности. Два месяца непрерывных боев многому научили его. Не раз их экипаж попал в трудное положение. Но выручали либо воинское мастерство и находчивость, либо вовремя поспедали на помощь товарищи. Он познал силу боевой дружбы, уверовал в нее, как и в свою «тридцатьчетверку», равной которой у фашистов не было, и теперь ни черта не боялся и даже в раскатанном танке чувствовал себя как в седле. Советские войска наступали, а это всегда придает силы и рождает уверенность. Иной раз Хомушку настолько забывал об опасности, что лез напролом, и однажды едва не поплатился за неоправданный риск. Вместо того, чтобы обойти траншею, ринулся напрямик. Уж очень ему хотелось побыстрее добраться до крупнокалиберного вражеского пулемета, сдерживавшего атаку советской пехоты. Разогнав «тридцатьчетверку», он бросил ее через траншею. Но от недавно прошедшего дождя земля стала скользкой, гусеницы увязли в ней, скорости танку не хватило, и машина задом завалилась в траншею. Так они и просидели до конца боя. Хорошо, что поблизости не оказалось немецкого противотанкового орудия.

Хомушку тогда крепко нагорело, он стал осмотрительнее и все же иногда нет-нет да и пускался на рискованные маневры.

— Что с ним поделаешь!— говорил в таких случаях командиру роты Сайфутдинов.— Горит у него все внутри. Да и наступаем, трудно сдерживать парней.

Чуть покачиваясь в водителском кресле, Хомушку привычно обегал глазами мерцающие циферблаты приборов, вслушивался в работу мотора. Цилиндры ритмично выводили свою бесконечную песню. Сердце «тридцатьчетверки» никогда еще не подводило. Хомушку холил его, как арат своего любимого коня. Тут уж он не давал себе ни малейшей поправки. Валился с ног от усталости, но лез в мотор — смотрел, проверял, прощупывал каждый болтик, винтик, тросик.

Танки прошли уже несколько километров, а кругом было спокойно. Никаких примет противника.

— Драпанули аж до самой Умани, — пробасил Парфенов. — Так бы вот до Берлина катиться, а?

И вдруг в танк ворвался слабый зеленоватый ответ.

— Ракета, товарищ командир, — сказал Хомушку.

Сайфутдинов откинул крышку башенного люка и высунулся. Далеко впереди чуть просматривались окраины Умани, справа, затухая, падала зеленая ракета и доносился какой-то гул.

— Стоп! — скомандовал старший лейтенант.

Сайфутдинов прислушивался долго.

— Что там? — не стерпел Хомушку.

— Кажется, аэродром. Да, аэродром, — еще увереннее ответил командир. — Давай жми пока по дороге, потом свернешь. Я скажу когда.

Светало. Через два-три километра Хомушку увидел ангары. Чуть поодаль от ангаров смутно вырисовывались силуэты самолетов. По краю аэродрома медленно двигался бензозаправщик. За машиной тянулась тоненькая полоска пыли.

— Сворачивай! — приказал Сайфутдинов. — Без приказа не стрелять. Парфенов, передай ведомому.

Танки свернули с дороги и через ровное поле понеслись к аэродрому.

Высунувшись из люка, Сайфутдинов считал:

— Пять... десять... двадцать... Дальше не видно, ангар мешает. Хомушку, заходи с тыла! Колбаса, бей вон по тому серому зданию. Там, наверное, летчики и охрана.

Комвзвода сделал знак руками второму танку, чтобы экипаж его шел сразу на самолетные стоянки.

Первыми же выстрелами из пушки Колбаса разнес серое приземистое строение. Из него в одном белье стали выскакивать уцелевшие гитлеровцы. Парфенов встретил их пулеметным огнем. Где-то завывала сирена. Из-под бетонного колпака по танку ударили из крупнокалиберного пулемета. Пули го-

рохом сыпались по танку, сплющиваясь о броню. Тут же бабахнула пушка «тридцатьчетверки», и возле колпака взметнулась земля. Пулемет смолк.

Подмяв под гусеницы нескольких очумелых от паники гитлеровцев, выскочивших на накатанную дорогу, полукругом обегавшую ангары, и какого-то офицера, успевшего только натянуть галифе, но без кителя и сапог, Хомушку развернул машину к самолетам. Там уже, всплескивая пушечным и пулеметным огнем, метался танк Дыртыка. И вдруг слева над овалом земляного бруствера появился длинный ствол зенитного орудия. Раздумывать было некогда. Хомушку повернул машину и погнался «тридцатьчетверку» прямо на огневую вражеских артиллеристов. Танк взлетел на бруствер. Хомушку затормозил правую гусеницу. «Тридцатьчетверка» развернулась и левым боком ударила по орудийному стволу.

Обогнув ангар, Хомушку понесся к самолетам. Некоторые из них уже пылали. Танк Дыртыка, выбрасывая из-под гусениц мягкую луговую землю, несясь вдоль стоянок, в упор расстреливая вражескую технику.

На аэродроме возникла паника. Видимо, приняв разведчиков за головные машины танковой колонны, гитлеровцы решили, что сопротивление бесполезно, и бросились бежать в город.

Сайфутдинов, оценив обстановку, приказал гнать танк к мосту через реку.

— Этих драпальщиков мы встретим там, — сказал старший лейтенант, — а здесь один Дыртык справится.

Хомушку полем вывел танк к мосту. И здесь было столпотворение. Бежали солдаты, между ними двигались повозки, автомашины. Все напирало друг на друга, в воздухе висела брань, беспорядочно, неизвестно по кому, строчили изредка автоматы.

Хомушку остановил танк на взгорке в кустах. В гитлеровцев почти в упор ударили пулеметы и пушка «тридцатьчетверки». На мосту загорелся грузовик. Бежавшие солдаты отпрянули от машины, затрещали перила, и десятка полтора фашистов посыпались в воду.

Хомушку, оставив рычаги, взялся за пулемет. Он резал врага короткими очередями и что-то восторженно и зло выкрикивал на родном языке.

Откуда-то справа из небольшого леса немцы выкатили противотанковую пушку. Первый снаряд ее разорвался возле самых гусениц. Сайфутдинов приказал сменить позицию. Завязалась дуэль с вражескими артиллеристами. Хомушку дей-

ствовал хитро. Он гонял танк по скату маленькой высотки, то выскакивал на вершину, то у подножия справа или слева. Как только Колбаса стрелял, Хомушку тотчас менял позицию. В конце концов Петр накрыл фашистов, и «тридцатьчетверка» снова стала у моста.

Отчаявшись прорваться в город через мост, гитлеровцы побросали свою технику и устремились к реке через поля.

Часа через два к мосту подошли головные танки 25-го полка. Не задерживаясь, основные силы полка проследовали дальше на Умань, а Сайфутдинов с двумя машинами вернулся на аэродром.

В результате этого дерзкого рейда полк захватил богатые трофеи: склад боеприпасов, около ста автомашин и шестьдесят самолетов. Более восьмисот гитлеровцев сдались в плен.

Вскоре Умань была взята. 25-й танковый полк получил сразу двойную награду: был награжден орденом Красного Знамени и отныне стал называться Уманским.

Орденами и медалями были награждены многие танкисты. А Хомушку Чургуй-оол, сын арата из далекой Тувы, стал Героем Советского Союза.

Это известие пришло в полк, когда уманцы под Яссами уже вышли к государственной границе СССР.

Три советских танка, среди которых была и «тридцатьчетверка» Хомушку, вырвались далеко вперед. Впереди маячила небольшая высотка. На склоне ее виднелась брошенная кошара.

— Надо осмотреться,— сказал Сайфутдинов и приказал Хомушку вести танк на высотку.

«Тридцатьчетверки» свернули с проселочной дороги, проехали метров двести и вдруг увязли. Оказалось, попали в топкое место. Бились долго, но выбраться не удалось. Начало смеркаться. Неожиданно бой, громыхавший далеко впереди, приблизился. Потом запыхала дорога, и на ней показалась большая колонна гитлеровцев.

— Надо обмануть фрицев, чтобы они прошли мимо,— сказал Хомушку.

— Что предлагаешь?— спросил командир.

— Помните, под Ямполем налетели «Юнкерсы»? В поле стояли две наши машины с башнями, повернутыми поперек корпуса, и стволами орудий, опущенными к земле. Немцы не тронули их, видимо, посчитали за уничтоженные. И нам так надо.

— Колбаса, передай по радиации экипажам повернуть башни и опустить стволы,— распорядился Сайфутдинов.

Гитлеровцы приближались. Впереди колонны катился бронетранспортер, за ним несколько автомашин с пушками на буксире, за автомашинами в беспорядке, густо пыля, шли автоматчики. Вид застрявших в болоте с повернутыми башнями советских танков успокоил противника, и колонна, не останавливаясь, проследовала дальше. Лишь с бронетранспортера, вероятно для успокоения совести, кто-то из немцев дал по «тридцатьчетверкам» длинную пулеметную очередь.

— Психует фриц,— спокойно заметил Парфенов.

Когда колонна скрылась из виду, танкисты вылезли из машин.

— Засели намертво,— сказал Сайфутдинов.— Что делать? Хомушку огляделся, и вдруг побежал к кошаре.

— Ты куда?— остановил его старший лейтенант.

— Кошару разберем,— крикнул на ходу Хомушку.— Там должны быть доски и бревна.

Досок и бревен оказалось немного, тогда стали таскать спекшиеся куски навоза. Ими устлали след гусениц до сухого места. Выбрались из болота уже в темноте. Не проехали и нескольких километров, как откуда-то из-за лесочка появилась автоколонна немцев.

— Пойдем с фрицами,— сказал Сайфутдинов,— в темноте они не разберут, чьи танки, за свои примут. А там видно будет.

Немцы действительно приняли советские «тридцатьчетверки» за свои танки.

Так двигались на восток еще минут тридцать. Вдруг колонна остановилась, раздалась резкие отрывистые команды. Гитлеровцы покинули автомашины и начали выстраиваться в походный порядок.

— Ну, и нам пора,— сказал Сайфутдинов.— Видимо, наши уже близко. Давай, Хомушку, круши.

Взревели моторы, танки врезались в живую массу гитлеровцев. Застрочили пулеметы. Разметав вражескую колонну, «тридцатьчетверки» скрылись в ночи.

Близилась развязка. Уманцы освобождали Будапешт, громили противника у Балатона, победным маршем прошли по Австрии и Чехословакии. На боевом знамени полка прибавились еще две правительственные награды — ордена Суворова и Кутузова. Засверкали награды на гимнастерках многих соотечественников Хомушку — Тюлюша Нурсата, Ондара Дыртыка, Михаила Конгара, Кызыл-Таса и других.

По Европе шагала победная весна 1945 года. В городах и селах, через которые проходили советские воины-освободи-

тели, стояли жители, и всюду были улыбки и цветы, цветы и улыбки. Особый восторг охватывал людей при появлении танков. Люди лезли под самые гусеницы, каждому хотелось дотронуться до теплой брони и убедиться, что это не мираж, а действительность. Вести машину в такой массе людей было нелегко, утомительно, того и гляди, кого-нибудь задавишь, и Хомушку иногда сердился и, высунувшись из люка, недовольно покрикивал на наиболее неосторожных.

Однажды перед самым передком, будто из-под земли, выросла пожилая женщина в очках. Хомушку еле успел нажать на тормоза.

— Эх, угбай!— крикнул он, высовываясь по пояс из люка.

И вдруг лицо его утонуло в огромном букете свежей пахучей сирени.

— Рус, брат!— крикнула женщина и заплакала.

Эту сирень танкисты берегли и выбросили, когда она уже совсем засохла. Но долго еще в машине держался тонкий, едва уловимый аромат, и всякий раз, ощущая его, Хомушку улыбался.

Эта сирень была ему дороже и памятнее всех наград, ибо в ней были сердца всех простых людей мира, их чувства, их мысли, их беспредельная благодарность советскому солдату, советскому человеку.

